

Казанцев Дмитрий Егорович

К ИСТОРИИ НЕКОТОРЫХ СУФФИКСОВ МНОЖЕСТВЕННОГО ЧИСЛА В МАРИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье исследуется история образования суффиксов собирательного множественного числа в марийском языке. Предметом исследования являются суффиксы -ер (-эр), -дар (-дер). Они рассматриваются как словоизменительные форманты. Метод исследования – сравнительно-исторический. Привлекаются данные как родственных, так и неродственных языков, а также некоторых диалектов.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2013/5-2/23.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 5 (23): в 2-х ч. Ч. II. С. 91-93. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2013/5-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

УДК 811.511.151

Филологические науки

В статье исследуется история образования суффиксов собирательного множественного числа в марийском языке. Предметом исследования являются суффиксы *-ер (-эр)*, *-дар (-дер)*. Они рассматриваются как словоизменяемые форманты. Метод исследования – сравнительно-исторический. Привлекаются данные как родственных, так и неродственных языков, а также некоторых диалектов.

Ключевые слова и фразы: марийский язык; этимология; словоизменение; категория числа; суффиксы собирательного множественного числа.

Казанцев Дмитрий Егорович, д. филол. н., профессор

Марийский государственный университет

sylne@mail.ru

К ИСТОРИИ НЕКОТОРЫХ СУФФИКСОВ МНОЖЕСТВЕННОГО ЧИСЛА В МАРИЙСКОМ ЯЗЫКЕ[©]

Статус грамматической категории числа не совсем ясен. Существует вопрос, относится ли она к словообразованию или к словоизменению. Считают, что эта категория занимает особое место среди морфологических категорий [5, с. 20-21]. Имеется и другая точка зрения. Так, по мнению Ж. Одри, число в большей степени – словоизменяемая категория [7, с. 45]. Дж. Гринберг твердо относил число к именным словоизменяемым категориям. Свое мнение он обосновывает тем, что в производных словах, в которых словообразовательные и словоизменяемые элементы следуют за корнем, словообразовательный элемент всегда находится между корнем словоизменяемым элементом. Такую последовательность морфем Дж. Гринберг понимает как одну из морфологических универсалий [4, с. 138-139]. Такого мнения придерживается и автор настоящей статьи. Предлагаемая им статья является продолжением серий статей, посвященных изучению истории образования суффиксов множественного числа в марийском языке. В данном случае предметом рассмотрения выбраны два суффикса: 1) суффикс *-ер (-эр)*; 2) суффикс *-дар (-дер)*.

1. Суффикс *-ер (-эр)*

Суффикс *-ер (-эр)*, имеющий собирательное значение, присоединяется к именам существительным, которые обычно обозначают различные породы деревьев, а также кустарники: *вондер* 'кустарник' от *вондо* 'куст', *кожер* 'ельник' от *кож* 'ель', *куэр* 'березняк' от *куэ* 'береза', *ломбер* 'черемушник' от *ломбо* 'черемуха', *нёлпер* 'ольшаник' от *нёлпö* 'ольха', *пистер* 'липняк' от *писте* 'липа', *пүнчер* 'сосняк' от *пүнчö* 'сосна', *тумер* 'дубняк' от *тумо* 'дуб', *укиер* 'хворост' от *уки* 'ветка, сучок'. Этот суффикс встречается во всех марийских диалектах. И. С. Галкин относил его к числу словообразовательных суффиксов [2, с. 13]. Это мнение вряд ли является правильным. Б. А. Серебrenников считал *-ер (-эр)* суффиксом собирательной множественности [8, с. 161]. Автор настоящей работы склоняется к его мнению и рассматривает *-ер (-эр)* в ранге словоизменяемых суффиксов.

Историю суффикса *-ер (-эр)* И. С. Галкин объясняет исходя из мнений, высказанных в свое время Т. Лехтисало [12, S. 184] и Й. Дьёрке [11, S. 40]. Соответствия марийскому суффиксу *-ер (-эр)*, признанному уральским по происхождению, И. С. Галкин находит во всех родственных языках, вплоть до самодийских языков, хотя собирательное значение древнего суффикса, по собственному признанию исследователя, проявляется в них не совсем четко. Различие в грамматических значениях общих суффиксов привело И. С. Галкина к выводу, что в марийском языке суффикс *-ер (-эр)* в прошлом употреблялся шире, чем в настоящее время, и мог присоединяться не только к названиям деревьев и кустарников, но и к другим существительным, как показывают отдельные диалекты, ср., например: *мучывуер* 'местность с кочками', *шудер* 'травянистое место'. При этом он считает, что гласный суффикса *-ер (-эр)* первоначально был частью производящей основы, а позднее в результате ее переразложения отошел к суффиксу, приуральскую форму которого И. С. Галкин реконструирует в виде **-ra* (**-re*) исходя из традиционной теории, согласно которой праязык в первом слоге знал только гласные **a*, **ä* и **e*. И. С. Галкин ссылается на В. Халлапа [9, с. 7]. Д. Дечи придерживался иной точки зрения. Он предполагал, что в праязыке были лишь основы с гласными *a* и *ä* [10, S. 59-64].

Однако объяснения И. С. Галкина об истории и развитии суффикса *-ер (-эр)* в марийском языке уязвимы во многих отношениях. Обратим внимание на некоторые мысли лингвиста.

1. Значения суффиксов в родственных языках, как отмечено выше, не имеют ничего общего с собирательным значением марийского суффикса *-ер (-эр)*. Они либо полностью изменяют вещественное значение корня (ср., например: фин. *mantere* 'материк' – *mante* 'земля', коми-зыр. *мыгöр* 'тело, туловище' – *мыг* 'стан рубашки', венг. *odor* 'выпуклое дуло' – *odu* 'дуло'), либо оставляют его без изменения (ср., например: фин. *saparo* 'хвост' – эст. *sapa* 'хвост').

2. Вызывает сомнение морфологический состав, выделенный в отдельных словах. Так, ненецкое слово *пэдара* 'лес' выводится из *пя* 'дерево'. При таком подходе в ненецком названии леса суффиксом является не *-ра*, а *-дара*.

Имеются и другие объяснения о морфологическом составе в упомянутом ненецком слове. Б. А. Серебренников, например, выделял в нем корень *пэда*, с которым были сопоставлены финское *petäjä* и эрзя-мордовское *пиче* 'сосна', и суффикс *-ра*. На основании такого морфемного членения им сделан вывод, что слово *пэда-ра* в ненецком языке раньше имело значение 'сосняк' [8, с. 162]. Это значение, вероятно, было восстановлено по аналогии с марийским *пүнчер* 'сосняк';

3. Этимологии отдельных слов, на которые опирается И. С. Галкин, либо устарели, либо не совсем точны. Так, марийское слово *воштыр* 'прут' им ошибочно сопоставлено с финским *vihta* 'веник'. Между тем слово *воштыр* 'прут' в марийском языке имеет иное происхождение. Ю. Тойвонен сопоставлял его с мансийским *оштер* и венгерским *ostor* 'кнут, бич' [15, S. 198]. Но другие исследователи [10] отделяют марийское слово от угорских. Очевидно, они находят фонетические и семантические расхождения между марийским названием прута и угорскими словами, обозначающими бич, кнут. Но эти расхождения легко объяснимы. Согласный *в* в начале марийского слова – это не что иное, как протеза (ср., например: мар. *водар* 'вымя' и морд. *одар* 'вымя'), отсутствующая в угорских языках. И в семантике двух групп слов можно найти общую точку. Она проявляется в функциональном сходстве. Помнится, еще сравнительно недавно дети, равным образом и взрослые люди, в нашем крае использовали прут в качестве кнута (бича) для понуждения запряженной в телегу или в сани лошади. Нужно добавить, что исследователи мало обращают внимания на индоиранское происхождение рассмотренных слов; ср., например: авест. *astra* 'кнут, бич', санскр. *astra* 'стимул'.

Таким образом, слово *воштыр* 'прут' в марийском языке является простым по образованию. В нем нет уральского суффикса **-ra* (**-re*).

4. Требуется уточнения также этимология марийского *могыр* 'тело', с которым сопоставлено коми-зырянское *мыгөр* 'тело, туловище' [2, с. 14]. В один ряд с ними Т. Лехтисало включал удмуртское *мугор*, *мыгор* 'тело' [12, S. 181]. К. Редеи к ним добавляет венгерские слова *mag* 'семя, зерно, косточка, ядро, потомок', *мага* 'сам, самый', *magas* 'высокий', хотя они семантически и фонетически далеко стоят от слов марийского и пермских языков. Тем не менее, для всех приведенных слов К. Редеи восстанавливает уральскую праформу в виде **тугкз* 'тело' [14, S. 286]. При такой реконструкции приведенные слова марийского и пермских языков действительно выступают как производные. Но общие слова марийского и пермских языков могут быть простыми по морфологическому составу. В данном случае мы имеем в виду мнение Г. С. Кнабе. Он сопоставлял с марийским и пермскими словами мокшанское *мокорь* и эрзянское *мурь* 'пень, чурбан, обрубок'. В. Томсен и Б. А. Серебренников, на которых ссылается Г. С. Кнабе, возводят их к литовскому *pigara* и латышскому *tigura* 'спина, крестец'. Закономерного соответствия между литовским *p* и латышским *t* в начале слова не существует. Поэтому Г. С. Кнабе объясняет, что первый звук латышского слова можно рассматривать как результат лабиализации изначального *n*- под влиянием последующего заднеязычного смычного согласного. Следовательно, латышская форма с *t* является более поздней по сравнению с литовской, в восточнофинские языки она могла проникнуть в эпоху отдельного существования латышского языка или его диалектов (после IX-X вв. н.э.) [6, с. 68-69].

К объяснениям Г. С. Кнабе можно дать следующие дополнения. Изменение *n* > *m*- в начале латышского слова могло быть обусловлено не столько лабиализующим влиянием последующего заднеязычного согласного, сколько регрессивной аккомодацией, обусловленной действием последующего огубленного гласного *u*. Название р. Оки, которая пересекает прародину волжских финнов, совпадает с латышским словом *ака* 'источник, колодец'. Некоторые исследователи название р. Оки возводят к германским языкам: гот. *aha*, др.-верх.-нем. *aha* 'река' [3, с. 671].

Таким образом, слова волжских и пермских языков, рассматриваемые в настоящее время как производные с уральским суффиксом **-ra* (**-re*), представляют собой простые лексические образования. И никакого переразложения в них не было.

5. Вопреки мнению И. С. Галкина, круг слов, к которому присоединился суффикс *-ер* (*-эр*), первоначально был небольшой. Он ограничивался названиями отдельных деревьев и кустарников. Позднее сфера употребления этого суффикса расширилась за счет использования существующей модели. Такие новообразования встречаются как в диалектах (*күэр* 'камни', *шудер* 'травянистое место'), так и в литературном языке (*мутер* 'словарь', *рүдер* 'центр', *тоштер* 'музей'). В литературном языке многие из них являются авторскими неологизмами.

2. Суффикс *-дер* (*-дар*)

И. С. Галкин [2, с. 15] формант *-ер* (*-эр*), возводимый к уральскому праязыку, находит также в составе собирательного суффикса *-дар* (*-дер*), который встречается в единичных словах. К числу редких слов он относит *кождар* 'ельник' от *кож* 'ель' и *атыдер* 'посуда (совокупность)' от *ате* 'посудина'. Первое слово зафиксировано в с. Шаранга Нижегородской области, но в названии посуды, заимствованном из чувашского языка, суффикс *-дер* встречается повсеместно: горн. и сев.-зап. *атыдер*, вост. и луг. *атыдер*.

Этимологию суффикса *-дер* (*-дар*) объяснил И. С. Галкин, придерживаясь в какой-то степени младограмматического принципа. Он делит этот суффикс на два элемента. Второй элемент образует суффикс *-ер* (*-эр*), имеющий уральское происхождение, а первый элемент *-д*, присоединяющийся к уральскому суффиксу, выступает как протеза, которая появилась в основе по аналогии с такими словами, как *вондер* 'кустарник'. Замысловатое объяснение И. С. Галкина привлекло внимание Л. П. Васиковой. Она по образцу со словами, имеющими суффикс *-дер* (*-дар*), в горном наречии марийского языка создала новое слово *лымдер*, буквально означающее 'именник'. Но оно употреблено в значении 'словарь' [1]. Между тем собирательный суффикс

-дер (-дар) в марийском языке имеет прямые соответствия в тюркских языках. Они восходят к суффиксу *-лар (-лэр)*. В основе перехода *-лар (-лэр) → -дер (-дар)* может быть регрессивная диссимилиация. Не совсем ясно, какой тюркский язык явился источником заимствования суффикса *-дер (-дар)*. Но надежные примеры имеются в казахском языке: *сез 'слово' → сездер 'слова', каз 'гусь' – каздар 'гуси'*. Вполне очевидно, в период контактов с марийским языком в тюркских языках нынешний суффикс *-дер (-дар)* мог употребляться как самостоятельная лексическая единица. В противном случае трудно объяснить его агглютинацию к знаменательным словам в чужом языке. В процессе грамматикализации заимствованное слово приобрело значение собирательной множественности, возможно, под влиянием суффикса *-ер (-эр)*.

Таким образом, рассмотрев историю образования суффиксов *-ер (-эр)*, *-дар (-дер)* в марийском языке, можно сделать вывод о том, что они относятся к словоизменительным формантам.

Сокращения

авест. – авестийский язык, венг. – венгерский язык, вост. – восточное наречие марийского языка, горн. – горное наречие марийского языка, гот. – готский язык, др.-верх.-нем. – древневерхненемецкий язык, коми-зыр. – коми-зырянский язык, луг. – луговое наречие марийского языка, мар. – марийский язык, морд. – мордовские языки, санскр. – санскрит, сев.-зап. – северо-западное наречие марийского языка, фин. – финский язык, эрзя-морд. – эрзя-мордовский, эст. – эстонский язык.

Список литературы

1. **Васикова Л. П.** Кырык мары орфографи лымдер. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1994. 593 с.
2. **Галкин И. С.** Историческая грамматика марийского языка. Морфология. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1966. Ч. 2. 166 с.
3. **Гамкрелидзе Г. К., Иванов Вяч. Вл.** Индоевропейский язык и индоевропейцы. Тбилиси: Изд-во Тбил. ун-та, 1984. Ч. I–II. 1328 с.
4. **Гринберг Дж.** Некоторые грамматические универсалии, преимущественно касающиеся порядка значимых элементов // Новое в лингвистике. М.: Прогресс, 1970. Вып. V. С. 114-162.
5. **Зиндер Л. Р., Строева Т. В.** Историческая морфология немецкого языка. Л.: Просвещение, 1968. 263 с.
6. **Кнабе Г. С.** Словарные заимствования и этногенез (К вопросу о балтийских заимствованиях в восточных финно-угорских языках) // Вопросы языкознания. 1962. № 1. С. 65-76.
7. **Одри Ж.** Индоевропейский язык // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1988. Вып. XXI. С. 24-121.
8. **Серебренников Б. А.** Вероятностные обоснования в компаративистике. М.: Наука, 1974. 352 с.
9. **Халлап В.** Суффиксы образования глаголов в мордовских языках (общемордовские суффиксы): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Таллин, 1955. 9 с.
10. **Décsy Gy.** Zum Lautwandel *-a/-ä > e* im Urfinnischen // Ural-Altische Jahrbücher. Wiesbaden: Harrassowitz, 1971. Band. 43. S. 59-64.
11. **Györke J.** Die Wortbildungslehre des uralischen (primäre bildungssuffixe). Tartu: Krüger, 1934. 951 S.
12. **Lehtisalo T.** Über die primären uralischen Ableitungssuffixe // Mémoires de la Société Finno-Ougrienne. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura. LXXII, 1936. 399 S.
13. **Räsänen M.** Die tschuwassischen Lehnwörter im Tscheremissischen // Mémoires de la Société Finno-Ougrienne. XLVIII. Helsinki, 1920. 276 S.
14. **Rédei K.** Uralisches etymologisches Wörterbuch. Budapest – Wiesbaden: Akademiai Kiado, 1986. Band III. S. 213-340.
15. **Toivonen Y. H.** Zur Geschichte der finnisch-ugrischen inlautenden Affrikaten // Finnisch-ugrische Forschungen. XIX. Helsinki: Suomalais-ugrilainen Seura, 1928. S. 1-270.

ON HISTORY OF SOME PLURAL NUMBER SUFFIXES IN THE MARI LANGUAGE

Kazantsev Dmitrii Egorovich, Doctor in Philology, Professor
Mari State University
sylne@mail.ru

The author researches the history of collective plural number suffixes formation in the Mari language, studies the suffixes *ep (-эр)*, *-дар (-дер)*, considers them as inflectional formants, uses a comparative-historical method of research, and involves the data of both related and unrelated languages, as well as some dialects.

Key words and phrases: Mari language; etymology; inflection; category of number; collective plural number suffixes.